

Промозглым серым вечером к зданию Школы современной пьесы, что на Трубной площади, скользил по грязному снегу народ, дабы послушать ни много ни мало — двух Окуджав: Булата и Антона. Головным составом шел, конечно, папа, но потомок тоже был горд и сидел у фортепиано. Одетый во все темное, Антон не только не проронил ни слова, а даже как бы исчез на черном фоне сцены — белел только профиль лица. Бу-

лат об отношении к Жириновскому. В ответ были включены рассуждения о странности общества, видящего в такое время в оном спасителя. "Странность" — мягко, наверное, сказано. Но ничего не поделаешь — интеллигент.

Вторая записка наголовато подобралась к сердцу: "Способны ли вы обидеть близкого человека?"

— Умышленно — нет, — ответил Окуджава, но почему-то эту записку назвал пос-

Мат. колумнист. - 1994. - 8 февр. - С. 7.

ДВА ОКУДЖАВЫ

лат Шалвович, умный человек, воспитав из сына профессионального музыканта, наконец-таки восполнил собственный "пробел".

Звучали старые песни, которые автору "изрядно надоели", и некоторые новые, которые не надоели, но и не запомнились. В зале контингент известный: от тех, кто в 20 встречал "оттепель", до тех, кто в те же 20 встречал "перестройку". Корреспондент "МК" послал две записки.

Первая — с претензией на актуальность — вопрошала

ледней. Может, что-то вспомнилось?

Неумеха в пении и добрый поэт — он очень близок массовому слушателю. Его "Виноградную косточку" мурлыкала вся страна. А сегодня он закончил вечер строчкой "Может, и не станешь победителем; но зато умрешь, как человек". Стало грустно.

Да, ему почти 70, "но взгляд по-прежнему лукав, речь радуга, и мысль орлом летит". Совсем не изменился — зритель не даст соврать.

Галина САФАРОВА.